

Моей дорогой Клементине

*«Yippie yi ooh
Yippie yi yay»*

«Ghost Riders in the Sky»
(«Призрачные всадники небес»),
Джонни Кэш и Вилли Нельсон

Я УВИДЕЛ ЭБ СТЕНСОН ВПЕРВЫЕ

Когда я увидел Эб Стенсон впервые, у нее из левой мочки капала кровь. Пуля могла изуродовать ей лицо, пробить горло, но повезло: шериф всего лишь на пару часов оглушил ее и отстрелил кончик уха.

— Неси воду!

Когда я увидел Эб Стенсон впервые, я сразу стал ее слушаться. Слушался и потом, иной раз охотно, иной раз не очень, но в то утро со всех ног побежал к кухонному крану наполнять кувшин. И руки у меня не тряслись, хотя она нацелила на меня винчестер, грозя проделать во мне солидную дыру.

— Шевелись давай!

Когда я впервые исполнял распоряжения Эб Стенсон, мне и в голову не пришло, что передо мной красивая женщина. Я вообще не понял, что передо мной женщина: волосы короткие, одежда мужская и до того грязная, что только у мужика — так я, по крайней мере,

тогда подумал — воротник может затаскаться до такой черноты, а каждая морщинка на лице забиться рыжей пылью.

Она вырвала у меня из рук кувшин, облила себе голову, а заодно и все вокруг, а потом стала пить — жадно, как звереныш, струйки воды, оставляя коричневые разводы на ее шее, стекали на пол. А я думал: хорошо бы убрать все это безобразие до возвращения отца. Наверное, ненормально думать в такую минуту о порядке, но вообще-то мой отец куда страшнее любого винчестера.

Лошади у Эб Стенсон не было. Она появилась перед дверью нашего дома вся в пыли и крови неожиданно, я не слышал, как она подошла. Зато топот копыт распознал сразу, едва шериф с помощниками начали спускаться по склону холма за фермой. И Эб тоже.

— Сейчас будут тебя расспрашивать. Стой на веранде и отвечай громко, чтобы в кухне все было слышно!

Я кивнул.

Видно, кивка ей показалось мало.

— Пикнешь хоть слово насчет меня — сразу прострелю башку, — прибавила она.

ТА ЕЩЕ ЗВЕРЮГА

Их было трое, они мчались с холма во весь опор, а мне отец всегда наказывал: не смей гнать лошадь, когда едешь вниз по склону. Он постоянно это повторял, когда отправлял меня в город с поручением. Из-под шляп лиц всадников не разглядеть, но я-то их всех прекрасно знал. У лошадей морды в густой пене, мокрые бока ходят ходуном. Конь шерифа заржал, когда седок рванул поводья, чтобы остановить его на всем скаку перед верандой.

— Привет, Гарет! Отец дома?

Я помотал головой.

— Вернется к вечеру, к больному поехал.

Один из помощников шерифа — самый молодой, Билл, — все старался утихомирить плясавшую под ним лошадь, которая так и крутилась на месте.

— Мы тут одну женщину ищем. Проходил здесь кто-нибудь?

— Женщину? — переспросил я.

Я ужас до чего удивился. На самом деле. По-настоящему. Мне и притворяться не пришлось, потому как я не сомневался: ко мне в дом пожаловал молодой парень и сейчас он стоит в кухне, наставив ствол на мой затылок.

— Да, женщину, — подтвердил шериф. — Но не из таких, на каких ты привык поглядывать.

Он сально хохотнул. И я сразу подумал о девчонках из салуна. Но шериф снова посерьезнел. До меня стало кое-что доходить.

— И что это за женщина?

— Та еще зверюга, — буркнул старина Джим, он сидел на лошади слева от шерифа.

Жуть до чего хотелось обернуться и проверить. Разглядеть как следует преступницу, которая держит меня на мушке и которую я только что поил водой. Женщина? Женщина в вонючей рубашке, со слипшимися от крови волосами, с черными мозолистыми руками и шпорами на сапогах? С низким и хриплым голосом?

Видно, лицо у меня стало такое, что шериф забеспокоился.

— Ты в порядке, Гарет?

Я ответил, что в порядке и никого тут не видел. Но сам здорово испугался, что они сейчас возьмут и уедут. Мне хотелось, чтобы они задержались, попросили воды — для себя или для лошадей. Чтобы не оставляли меня с глазу на глаз с такой женщиной. Может и странно это, но от одной мысли, что это женщина, меня бросало в дрожь.

— И что она натворила?

— Обчистила банк Коди. Вынесла кучу денег.

— И какая она?

— Сейчас, — ответил шериф. Вытащил объявление, разгладил и показал мне: черные-пречерные буквы, а под ними фотография, скверная — но я все-таки сразу узнал свою гостью.

И ее имя тоже: Эбигейл Стенсон.

Понятно, что я не собирался о ней рассказывать. Не сошел же я с ума — раз они напечатали объявление, значит, преступница и правда опасная.

— А почему за нее дают такую большую награду?

— Так она за собой труп оставила. Убила банковского служащего. У парня оказался револьвер, вздумал защищаться...

— Мгновенная смерть, — мрачно добавил Билл.

— Одним словом, та еще зверюга, — повторил Джим.

Похоже, других слов у него не было. Он сплюнул, плевок сполз по лошадиной шее.

Мне совсем поплохело, по спине побежали мурашки. Я-то знал, что она все слышит. И если захочет, мигом от нас избавится, не сходя с места. Сюрприз: бабах — и готово.

— Так ты никого не видел? — переспросил шериф.

— Нет.

Я смотрел прямо на него. По лицу тек пот, и я вытер его локтем. Я пытался все сказать шерифу взглядом,

но так, чтобы не показаться трусом. Пусть разберутся с ней именем закона.

— Да ты не бойся, — успокоил Билл, заметив, что меня трясет. — Это же все-таки баба.

Плывать ему на мой взгляд, ничего он не усек, придурак. Я медленно приподнял перед собой руку, не отрывая от шерифа глаз, и нацелил большой палец в сторону кухни. Я стиснул зубы, рубашка взмокла от пота и прилипла к спине. Шериф поглядел на меня, нахмурился, выпрямился в седле, приподнял тыльной стороной ладони седельную сумку и убрал в нее объявление. Потом сделал знак помощникам молчать и осторожно взялся за свой двадцать второй*.

— Мы у тебя чуток задержимся, Гарет. Займись-ка нашими лошадьми.

Собираясь спуститься с веранды, я потихоньку двинулся к лестнице. И вспомнил, как прошлым летом мы с отцом ее чинили, делали новые ступеньки, потому как старые сгнили и сестренка чуть не провалилась. Шериф с помощниками спешили. Все с оружием наготове: револьвер у шерифа, винчестер у старины Джима, а Билл вытащил из кобуры кольт и держал его обеими руками. Я прямо чувствовал, что сейчас она выстрелит, и мне конец. Но нет, ничего. Я дошел до лестницы и медленно, ступенька за ступенькой, спустился вниз, а троица, наоборот, начала подниматься. Старики Джим дружески похлопал меня по плечу. Я видел,

* Револьвер 22-го калибра.

что лицо у него напряженное, видел морщинки у глаз, сжатые губы, бороду. Мне нравится Джим. Он никогда не ходит слушать отцовские проповеди, вместо церкви предпочитает сидеть в салуне, но для меня у него всегда найдется доброе слово. Прошлой осенью, когда я заинтересовался оружием, он научил меня разбирать свой винчестер. Показывал не спеша, терпеливо, а он ведь уже старый, у него каждый день на счету.

Только встав обеими ногами на траву, я понял, что уже не под прицелом. Теперь дело за шерифом. Лошади бродили возле дома, но у меня не было никакой охоты ими заниматься. Я ждал, чтобы арестовали эту самую зверюгу.

Оглушительный выстрел — Билл присел и скорчился. Джим и шериф, которые уже стояли по обеим сторонам двери, разом пригнулись.

— Выходи, Стенсон! Не делай себе хуже!

Грубый голос звучал спокойно — шериф ко всякому привык, но я-то видел, как он напряжен. Билл пополз до стены под окном кухни и привалился к ней спиной. Лицо у него кривилось, штанина от крови потемнела от колена до ступни.

— Выходи, паскуда!

От боли Билл только озлобился.

— Сдавайся! Может, тебя и не вздернут, раз уж ты женщина.

Тишина. Время замерло. Ждем. Вот-вот она выйдет, держа руки на затылке.

Но все пошло совсем иначе. Одним прыжком Эбигейл Стенсон перемахнула через веранду, вторым через ограду веранды и мягко, как пума, приземлилась рядом со мной, сгребла меня за шкуру и приставила ствол к моему затылку. Теперь Джим и шериф смотрели на нас сверху, наставив на зверюгу оружие, но было уже поздно.

Зверюга, держа меня под прицелом, толкнула к ближайшей лошади и показала рукой, чтобы я подобрал с травы поводья. Я послушался. Понятно, что пока жив я, жива и она, так что ей нет никакого резона меня убивать — пока. Я чувствовал ее тяжелое дыхание и острый запах пота, когда она перехватила у меня поводья и подтянула аппалузу* к себе.

— Отпусти мальчика, Эб, — угрожающе произнес шериф.

Эбигейл Стенсон у меня за спиной засмеялась — как будто груда камней покатила вниз. Смех был не звонким, как у наших молодых прихожанок или у проституток в Боди, а гулким, как из бочки. Так смеются покерные шулера и погонщики быков.

Я обернулся и посмотрел на нее — вот сейчас она вскочит в седло, прищипит лошадь и помчится, а ей вслед помчатся пули. Но Стенсон держала меня все так же крепко и подставила стремя.

— В седло!

* Аппалуза — порода лошадей пятнистого черно-белого окраса, выведенная в Америке.

На щеке у нее запеклась кровь, а зубы за полными губами, которые уже не улыбались, показались мне острыми клыками. Я поставил ногу в стремя и вскочил в седло. Странно, но мне захотелось показать ей, что я умею ездить верхом и делаю это хорошо. Может, из-за того, что шериф назвал меня «мальцом», не знаю. Глупо, конечно, но я старался произвести на эту женщину впечатление. Я вынул из стремени ногу, освободил его, и она тоже вскочила в седло. Для этого ей пришлось опустить ружье. Но она мигом повернула лошадь, прикрываясь мной от представителей закона. Лошади не понравилась непривычная тяжесть, нас же было двое, она встряхивала головой и нервно переступала.

— Эб Стенсон! Предупреждаю: если с головы парня упадет хотя бы волосок, виселица покажется тебе раем!

Эб воткнула ствол мне под мышку, а другой рукой подхватила поводья.

— Только попробуй шевельнуться или пустить за мной погоню. Если я замечу тень от твоей шляпы, старик, или твой двадцать второй, шериф, я его пришью. Ясно?

Их обоих перекосило от злости. За меня переживали — это само собой, но, главное, Эб Стенсон их обыграла, унизила, уязвила их гордость.

А что я чувствовал, трудно сказать, я даже перестал бояться, такая творилась дичь. Ногами я чувствовал горячие бока лошади, спиной — Эб Стенсон, под рукой — ствол. И наконец рывок, когда Эб Стенсон